

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью

Ссылка для цитирования: Косевич Е. Ю. Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

For citation: Kosevich, E. Yu. Spanish mass-media on Latin American migrants: between fear and pity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

**Косевич
Екатерина Юрьевна**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ekaterina.kosevich@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [940271](#)

Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью

Аннотация. Дискурс средств массовой информации является «зеркалом», отражающим общие взгляды и позволяющим понять образ мыслей общества в отношении проблемы миграции. Статья посвящена анализу образов, построенных испанскими СМИ, относительно проживающих в Испании латиноамериканских мигрантов. Такое видение привело в итоге к формированию стойкого восприятия их испанским обществом только с двух главных позиций – страха и жалости. Прототипами всех незаконно въехавших в Испанию латиноамериканцев стали колумбийцы и эквадорцы. Автор раскрывает причины «раскола» в восприятии испанскими СМИ Колумбии и колумбийцев, которые стали синонимом опасности, а также Эквадора и выходцев из этой страны, ассоциирующихся преимущественно с состраданием и жалостью. В статье рассматриваются основные этапы иммиграции латиноамериканцев в Испанию в конце XX и начале XXI вв., в которых поочередно преобладали выходцы из Колумбии, Эквадора, Аргентины, Венесуэлы и Кубы. Автор даёт характеристику самым многочисленным латиноамериканским диаспорам в Испании. Показано, что иммиграция является социальным феноменом, который строится коллективно. Вместе с тем принимающее общество наделяет приезжающих (*других*) характеристиками, которые им не принадлежат. Подобные искусственно приписанные качества – результат так называемого «символического сооружения», приписываемого каждому «воображаемому мигранту». Латиноамериканская иммиграция в Испанию является результатом множества факторов на разных уровнях, однако внимательное изучение регионального и глобального аспектов этого процесса крайне редко происходит в жанре новостей. В статье раскрывается, какой именно образ латиноамериканских мигрантов сформировался к началу XXI в. в Испании. Автор делает попытку определить скрытую идеологию, поддерживающую в основной своей массе отрицательные образы латиноамериканских мигрантов, транслируемые национальными СМИ.

Ключевые слова: латиноамериканская миграция, Испания, СМИ, общественное восприятие, пресса

Информационная среда неизменно транслирует всю этноцентрическую информацию, а также так называемые *межкультурные недоразумения*, которые влияют на формирование взглядов у местного населения в отношении представителей других культур. В свою очередь СМИ выстраивают образы, ассоциирующиеся с другими культурами, апеллируя к упрощённым и примитивным стереотипам и тем самым стремясь навесить недвусмысленные ярлыки: *он другой*, а потому он заведомо *несовершенен*. Популяризация подобного неполноценного межкультурного общения, то есть «контакт» с другими культурами посредством СМИ, имеет основополагающее значение для понимания того, каким образом формируется «климат мнений» о латиноамериканских иммигрантах в Испании [Giménez, Malgesini, 2000: 253–254].

Мигранты глазами СМИ: «мы» и «другие»

В обществе могут быть разные источники, по-своему преподносящие текущие общественные проблемы, но именно СМИ обычно придерживаются гегемонистской интерпретации, легко становящейся единодушно разделяемой трактовкой. Массмедиа устанавливают познавательный и эмоциональный кругозор, посредством которого создаются чёткие границы, делящие всех на «мы» и «они». По сути СМИ сами руководят процессами создания идентичности, которая уже сама влияет не только на коллективное мнение испанского общества, но и выступает критерием признания иммигрантов.

Без преувеличения можно сказать, что большая часть наших представлений о ключевых социально-политических событиях, а также наших знаний о мире в целом черпаются из десятков различных информационных источников, которые мы ежедневно читаем, смотрим или слышим. В современном обществе уже не существует иной дискурсивной практики, кроме ежедневных социальных бесед, которая использовалась бы столь же часто и таким же количеством людей, как отслеживание новостей в прессе и на телевидении. В контексте этого латиноамериканские иммигранты, проживающие в Испании, становятся «заметными» для общественности лишь благодаря постоянному упоминанию о них в местных средствах массовой информации. Испанцам становится известна лишь та информация, которая появляется в ведущих газетах, журналах, интернет-ресурсах и на телевидении, где присутствие иностранцев в Испании большей частью проблематизируется.

Иммиграция – это социальный феномен, который строится коллективно и наделяется характеристиками, которые ему не принадлежат [Bonete 1999: 279]. Подобные искусственно приписанные качества являются результатом так называемого «символического сооружения», якобы возводимого каждым *воображаемым мигрантом*.

Все *воображаемые мигранты* характеризуются как люди, у которых *нет документов*, они *проживают в удручающих условиях*, не имеют *должного образования и работы*, либо *были вынуждены иммигрировать*

потому, что на своей земле они умирали от голода, а ввиду своего культурного различия неспособны интегрироваться в общество, в котором они оказались. Такой безликий иммигрант априори является мифическим и нереальным, потому что эти характеристики приписываются всей массе потенциальных переселенцев, которые ещё могут прибыть в страну.

В столь символической конструкции реальности дискурс СМИ выступает в качестве *двигателя* социально-когнитивного механизма управления общественным мнением. При этом именно *пресса* является единственным полноценно сформировавшимся дискурсом ввиду того, что в самой системе СМИ именно она – самый постоянный по своей природе элемент. Ведущие национальные газеты по-своему выполняют роль «маркеров идентичности». Вместе с тем выделяется следующая особенность новостей, преподносящихся печатными СМИ: текст всегда находится между различными социальными дискурсами, отождествляясь с определённой точкой зрения и преподносясь в ожидаемой от него упрощённой форме. При этом он полностью игнорирует все иные точки зрения касательно рассматриваемого им события. Подобное очевидно перекликается с концепциями М. М. Бахтина о диалогической природе текста, позволяющей понять природу социальных конфликтов с учётом того, что текст, опираясь на кругозор его предполагаемых адресатов, призван играть роль катализатора их собственных мыслей [Корниенко 2010].

Современное общество привыкло приписывать материалам информационных жанров, распространяемых СМИ, лишь функцию *осведомления*. Вместе с тем в подобных материалах присутствует скрещивание нескольких функций. Наряду с *осведомить* выделяются и другие задачи, такие как *развлечь* и, что более важно, *дать почувствовать*. Что касается освещения вопросов миграции, то СМИ традиционно преподносят их двумя способами. В-первых, апеллируя к *страху*. В таких материалах мигранты показываются как «опасность», «захватчики территорий» и как «угроза» в целом. А во-вторых, обращаясь к *жалости*, подчёркивается вся драматичность положения иммигрантов, на первый план выдвигаются все грани их плачевной ситуации: бедность, трудности и подчинённое положение. Информация, преподносимая под таким углом, неизменно вызывает реакцию сострадания и милосердия со стороны её получателя [Aznar 2005: 210].

В начале XXI в. получили широкое распространение именно идеи культурного расизма, приводящие к чрезмерному заикливанию на различиях, и в итоге к забвению всего того общего, что есть между носителями разных культур. Закрепившееся «противостояние» между *нами* и *всеми остальными, хорошими и плохими*, доказывает, что в современном обществе нам необходимо отрицать всех *других* для того, чтобы узнать, кем являемся *мы сами*. Состояние безопасности рождается из отрицания: мы – не другие, мы – не плохие. В этом контексте «другой» – это всякий, кто не принадлежит к определённой социальной группе, члены которой рассматриваются как «образцы». В результате, столкнувшись с «правильными» социальными единицами, «другой» всегда воспринимается как враг и дестабилизирующий фактор [Lario 2006: 18].

Подобное деление всех на «нас» и «других» особенно заметно в информационных материалах, преподносимых СМИ. Нидерландский учёный Т. Ван Дейк охарактеризовал такую транслируемую через массмедиа информацию *идеологическим квадратом*, преследующим четыре главные цели: нарастить положительное представление о «нас самих», усилить негативную информацию о «них», сократить положительную информацию о «них» и при этом смягчить негативную информацию о «нас самих» [Van Dijk 1996: 110–134].

Латиноамериканская иммиграция в Испанию

В миграционных процессах Испании можно выделить три основных периода, в каждом из которых преобладали разные иностранные группы. Первый период – с 1980-х и вплоть до начала 1990-х гг., когда преимущественное большинство всех иммигрантов в Испанию составляли переселенцы из Европы. В десятилетие 1990-х гг. рост миграционных потоков пришёлся на уроженцев Африки, особенно Марокко.

В начале XXI в. стала выделяться уже новая фаза: рост миграции из стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В этом контексте ввиду практически непрекращающегося роста оттока населения из этого региона латиноамериканским переселенцам даже был присвоен ярлык «фаворитов XXI в.». Между тем менялся и национальный состав латиноамериканских иммигрантов, переезжавших в Испанию. В течение 1980-х и до начала 1990-х гг. большинство мигрантов составляли жители Аргентины, которые были представителями среднего класса, а также высококвалифицированными специалистами. Примерно в середине десятилетия 1990-х гг. большая часть переселенцев из Латинской Америки стала приходиться на перуанцев и жителей Доминиканской Республики. Любопытно, что доминиканки называли главной причиной своего переезда в Испанию преследование по политическим мотивам и формирование новых взглядов на роль и место женщины в обществе.

Первые годы XXI века ознаменовались ещё одним временным ростом иммиграции аргентинцев. Ввиду аргентинского экономического кризиса, произошедшего в экономике страны в период 1998–2002 гг., число аргентинцев, уехавших в Испанию, в течение первых двух лет нового века резко увеличилось. Немаловажную роль в этом процессе также сыграла и преференциальная на тот момент политика страны-реципиента. Однако уже начиная с 2003 г. эту эстафету перехватили беженцы из Эквадора и Колумбии, удерживавшие её до конца 2015 г. И вплоть до сегодняшнего дня именно общины эквадорцев и колумбийцев продолжают оставаться самыми многочисленными из всех латиноамериканцев, проживающих в Испании.

В конце XX в. традиционным местом назначения для латиноамериканских иммигрантов были именно Соединенные Штаты Америки. Однако произошедшая трансформация Испании в государство, готовое

принять у себя мигрантов-неграждан Европейского союза (ЕС), заметно переориентировала миграционные потоки из Латинской Америки. При этом в США «прототипом» всех незаконно въехавших в страну латиноамериканцев стали именно мексиканцы, а в Испании этот титул разделили между собой колумбийцы и эквадорцы [Косевич 2019].

Колумбийские иммигранты

Что касается Колумбии, то объяснение стремительного роста масштабов миграционных потоков кроится в конце 1980-х гг., известных в истории этой страны как «потерянное десятилетие». Резкий отток колумбийцев из своей страны был вызван неолиберальными структурными реформами наряду с падением мировых цен на кофе, следствием чего стал стремительный рост безработицы и образование валютного дефицита. Всё это привело к стремительному упадку политической и социальной стабильности в стране. Насилием пропитались все сферы общественной жизни: от бытовых преступлений и криминальных синдикатов до политической элиты. Обстановка полнейшего отсутствия безопасности в обществе подталкивала всё большее количество колумбийцев к поиску лучшего будущего за пределами своей родины. А происходящее расширение международного рынка наркотиков привело к росту спроса на рабочую силу для их распространения за рубежом, в частности в Европе.

«Перевес» именно колумбийцев в общем количестве всех латиноамериканцев, переезжавших в Испанию, стал наблюдаться ещё со второй половины 1980-х гг. Но уже с 1991 г. он начал всё более заметно увеличиваться с каждым годом. В начале XXI в. число колумбийских мигрантов, прибывающих в Испанию, ежегодно удваивалось¹. Большинство переехавших оставались жить в столице, далее следовали Каталония, Валенсия, Андалусия и Канарские острова. Примечательно, что почти 65% всех колумбийских иммигрантов составляли мужчины. В основном это были молодые люди трудоспособного возраста, половина из которых на момент переезда были одинокие [Aparicio, Giménez 2003: 116].

Иммиграция из Колумбии в Испанию традиционно носила в основном экономический характер: более половины респондентов-колумбийцев, обосновавшихся в крупных испанских городах, называли наличие экономических и трудовых перспектив в качестве ключевых при выборе ими именно Испании в качестве пункта назначения.

Большинство этой категории мигрантов составили представители образованного городского населения, не относящиеся к числу наиболее бедных². Что касается их трудоустройства, то подавляющая часть колумбийцев оказались задействованными в сфере услуг в самых разных

¹ В 2001 г. – 48 710 чел., в 2003 – 107 459, а в 2004 – уже 271 239 чел. [Informe Encuesta... 137].

² Образовательный уровень колумбийских иммигрантов, проживающих в Испании, средний. Почти половина из них закончили среднюю школу, и лишь 20% из всех переезжавших имеют высшее образование.

профессиях¹. Примерно треть из всех работали в частных домах (домашняя прислуга), 18% – в гостиничном бизнесе (горничные и уборщики), 15 – в строительстве, 16 – в розничной торговле, 10% – на низкоквалифицированных работах в промышленности и сельском хозяйстве.

Уроженцы Эквадора

Другими «главными героями» латиноамериканского иммиграционного потока в Испанию, происходившего в последнее десятилетие XX в., стали **эквадорцы**. Основной причиной резкого оттока из своей страны стал длительный период застоя национальной экономики, продлившийся с 1980 по 1998 гг.

Провал «эквадорского чуда» и аргентинского «корралито»² создали очень схожие условия для резкого оттока населения из этих латиноамериканских стран. В 1999 г. произошло резкое падение ВВП, что привело к самому сильному кризису за всю новейшую историю Эквадора. В период 1980–98 гг. эквадорская экономика ежегодно росла лишь на 0,3%. А в период 1998–99 гг. ВВП обрушился с 23255 млн долл. до 16674. Последствиями этого стало массовое банкротство компаний, рост безработицы, падение покупательской способности и замораживание депозитов. Инфляция выросла на 98,8%, а национальная валюта к 2000 г. обесценилась на 161%.

Правительство Эквадора в одностороннем порядке объявило мораторий на платежи по внешнему долгу. Однако из-за проводимых мероприятий по сокращению государственных расходов в соответствии с руководящими принципами Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ) кризис ещё больше обострился. В социальной сфере это привело к политической нестабильности, обнищанию населения, а также повышению уровня преступности. Основным итогом «кризиса эквадорской мечты» стало самое быстрое обнищание населения за последнюю четверть XX в. среди всех стран Латинской Америки. В итоге с 1999 г. отток эквадорцев приобрёл уже общенациональный характер.

Резкий рост эквадорской общины в Испании не был замечен вплоть до конца 1990-х гг. Заметное увеличение миграционного потока произошло во второй половине последнего десятилетия XX в. И уже к 2001 г. общее число эквадорских мигрантов, обосновавшихся в Испании, увеличилось на 174% (53 821 чел.) по сравнению с данными на конец XX в. Спрос на низкооплачиваемую рабочую силу, а также «взросление» представителей первой волны эквадорских мигрантов, приехавших в Испанию в течение 1980–90-х гг., дополнили и так благопри-

¹ В первые декады XXI в. 95% всего количества разрешений на проживание по всей Испании были предоставлены работникам сферы услуг.

² Корралито (в букв. переводе «загончик», «манеж»; исп. El corralito) – название ряда мер по ограничению свободного передвижения капитала, наличных средств и банковских сбережений, на которые правительство Аргентины было вынуждено пойти на пике финансово-экономического кризиса в стране в 2001–2002 годах.

ятствующую на тот момент атмосферу для привлечения в страну всё больше новых переселенцев. В итоге, с обоюдного согласия испанских и европейских властей, эквадорцы получили доступ к работе в Испании. Примечательно, что подавляющее большинство эквадорских мигрантов составляли именно женщины (почти 70%), которые так же, как и колумбийцы, оставались жить в Мадриде и прилегающих пригородах, а также в Каталонии, Андалусии и Валенсии.

Самые первые латиноамериканские мигранты, приехавшие в Испанию в последние десятилетия XX в. благополучно примкнули к социальному слою «белых воротничков». Аргентинцы, перуанцы, колумбийцы и эквадорцы работали техническими сотрудниками, менеджерами среднего звена и даже квалифицированными специалистами. Административно-правовое регулирование в сфере миграции, прошедшее в Испании в 2000 г., привело к тому, что иностранцы, которые на тот момент работали без соответствующего разрешения, были вынуждены перейти на менее квалифицированные профессии, соглашаясь на работу в сферах бытового обслуживания, ухода за пожилыми и немощными людьми, в строительстве, сельском хозяйстве и гостиничном бизнесе.

Испания и латиноамериканские мигранты: взаимный интерес

К началу XXI в. Испания превратилась в одну из основных стран назначения для иммигрантов из латиноамериканского региона, войдя в состав так называемых стран категории «опоздавших» (англ. *latecomer*). В течение первого десятилетия XXI в. сформировался уже стабильный миграционный поток латиноамериканцев, покидающих свои родные края, чтобы постоянно закрепиться в Испании. В основном это были молодые люди трудоспособного возраста, а также определённая группа женщин, вслед за которыми вскоре прибывали их супруги и дети. Большинство латиноамериканцев традиционно обосновывались в крупных городах, Мадриде или Барселоне, по причине наличия постоянного спроса на работников сферы обслуживания. Однако в последние годы их выбор всё чаще стал останавливаться на автономных областях с развитым сельскохозяйственным производством, таких как Андалусия, Мурсия и Валенсия.

В начале нового тысячелетия параллельно с ростом миграционного потока из Эквадора и Колумбии в самой Испании происходило увеличение спроса на трудовых мигрантов, чем смогли успешно воспользоваться различные группы латиноамериканцев. Отсутствие визового режима между ЕС и Эквадором (продлившееся вплоть до последнего квартала 2003 г.), а также между ЕС и Колумбией (сохранявшееся до начала 2002 г.) заметно способствовали ещё большему увеличению притока латиноамериканцев, уже прекративших свои попытки въезда в Соединенные

Штаты. С другой стороны, развитие экспортного сельского хозяйства после присоединения Испании к ЕС (1 января 1986 г.) создало целый пласт новых низкоквалифицированных рабочих мест, на которые соглашались эквадорцы, в дополнение к уже работающим там марокканцам.

Кроме того, рост активности женщин на рынке труда наряду со старением населения оказал к концу 1990-х гг. более чем заметный эффект на открытие ряда рабочих «ниш», которые мигранты-неграждане ЕС, особенно эквадорки, смогли занять (уход за престарелыми людьми и детьми). Подобный список дополнился и другими факторами, такими как увеличение спроса на работников для секторов услуг, возникший вследствие активной модернизации испанской экономики (строительство и туризм). По-своему поспособствовало латиноамериканским иммигрантам и наличие особых межкультурных связей, общий язык и религия [Pérez 2005: 87]. Однако латиноамериканский вариант испанского языка, от которого крайне сложно избавиться, традиционно вызывает недовольство испанцев, являющихся носителями классического варианта языка.

Аргентинская община

Что касается **Аргентины**, то именно в Испании находится самая большая её диаспора за рубежом. Первая волна аргентинцев, иммигрировавших в Испанию, пришлась на 1970-е гг. В основном это были люди, спасающиеся от военной диктатуры. Вторая заметная волна миграции началась одновременно с аргентинским кризисом 1989 г. Начиная с 1990-х гг. переселение аргентинцев приобрело уже стабильный характер, что привело к тому, что ежегодно всё больше аргентинцев выбирали именно испанские города в качестве пунктов своего назначения.

По данным переписи на 2001 г. в Испании проживало 6 647 аргентинцев. Но благодаря результатам ставших печально известными во всём мире мер «корралито», полностью подкосивших экономику страны в 1999–2002 гг., за период 2002–2008 гг. число аргентинцев с Испании увеличилось до 150 000 чел. Во времена этого кризиса обычным явлением стали огромные многокилометровые очереди из аргентинцев, стоявших перед посольством Испании в Буэнос-Айресе и отчаянно желавших уехать из своей страны, «упавшей в пропасть» финансовых проблем. Согласно данным национального опроса иммигрантов, 89,2% их всех аргентинцев, переехавших в этот период в Испанию, сделали это семейными группами, 61,2% из которых составляли семьи с детьми в возрасте до пятнадцати лет.

Тем не менее со временем количество аргентинцев, проживающих в Испании, начало постепенно уменьшаться. Это стало результатом ряда причин; в частности, уехавшие из Аргентины во времена кризиса учёные постепенно смогли вернуться к себе на родину в течение 2000-х гг. в рамках условий так называемого «Плана корней» (исп. «Plan

Raíces»), активно продвигаемого аргентинскими правительствами, чтобы способствовать возвращению исследователей и учёных-эмигрантов. В рамках данной инициативы 32% из всех аргентинских репатриантов, вернувшихся из Европы, прибыли именно из Испании.

Таким образом, со временем к 2015 г. аргентинская община состояла уже из 75 000 чел. Стоит отметить, что отсутствие положительных результатов политики нового президента Аргентины Маурисио Макри (2015–н. в.), которая была направлена на оздоровление экономики страны, вновь оказавшейся в серьёзном кризисе, привели к тому, что с 2017 г. аргентинцы снова временно возглавили рейтинг внешней миграции в Испанию.

Мексиканская диаспора

Что касается выходцев из Мексики, то, согласно данным Реестра физических лиц на январь 2018 г., в Испании проживает достаточно скромное количество мексиканцев (55 000 человек), половина из которых также имеют и испанское гражданство [Población mexicana... 11]. Испания традиционно является лишь третьим пунктом назначения мексиканских мигрантов, значительно уступая США (почти 11,7 млн чел.) и Канаде (118 249 чел.)¹. Подавляющее большинство членов сравнительно небольшой мексиканской общины в Испании принадлежат к среднему классу или являются сотрудниками мексиканских компаний, инвестирующих в Испанию.

Выходцы с Острова Свободы

Отдельно стоит упомянуть и про кубинскую диаспору в Испании, являющуюся одной из самых многочисленных общин выходцев с Острова Свободы в Европе. Именно Испания стала вторым главным пунктом назначения кубинцев, где по данным на 2018 г. проживают 132 378 кубинцев, 60% из которых также имеют испанское гражданство, после США, где обосновались около 1,3 млн выходцев из Кубы. Одной из причин столь масштабного переезда кубинцев именно в Испанию стало так называемое «Правило внуков», будучи одним из положений Закона об исторической памяти (Ley 52/2007 de Memoria Histórica), принятом испанским парламентом в 2007 г.².

По-своему особый уровень испано-кубинских отношений проявился в 2010 г., когда кубинское правительство Рауля Кастро при посредничестве кубинской католической церкви и правительства

¹ Приведённые цифры отражают число граждан Мексики, зарегистрированных в консульских учреждениях в стране их постоянного проживания.

² Согласно Закону об исторической памяти, гражданство Испании могли получить дети и внуки испанцев, которые покинули Испанию в годы Гражданской войны и режима Франко. В общей сложности уже более 250 тыс. чел. получили испанское гражданство. Кроме того, новопривывшим гарантировалось временное денежное пособие.

Х. Л. Родригеса Сапатеро (2004–11) выпустило в Испанию 75 кубинских диссидентов, арестованных на Кубе в 2003 г. и приговорённых к тюремному заключению сроком на 28 лет. Вынесенные им обвинительные приговоры, в свою очередь, привели к санкциям за нарушение прав человека, введённых ЕС против Фиделя и Рауля Кастро. Это событие стало одним из самым знаковых освобождений политзаключённых на Кубе с 1979 г., когда в Соединенные Штаты были отпущены 3600 кубинских диссидентов. В рамках, достигнутых между Кубой и Испанией договорённостей в 2010–11 гг. в Испанию переехали 115 политзаключённых и 650 членов их семей, что стало стратегически важным политическим шагом: с одной стороны, были отменены санкции в отношении руководителей Кубы, а с другой – в выигрышном положении оказалась и сама Испания, наладившая таким образом диалог с открывающейся Кубой, представляющей собой перспективный рынок для испанских предпринимателей. Однако несмотря на большие надежды от этой многообещающей акции Испании, подавляющее число переехавших кубинцев так и не смогли успешно интегрироваться в принявшей их европейской стране. Испанские власти не оказали достойного содействия и поддержки приехавшим кубинцам, вскоре оказавшимся без всякого внимания нового правительства Испании, которое к тому времени уже возглавил Мариано Рахой (2011–18).

Венесуэльские мигранты

Начиная с 2017 г. список латиноамериканских стран, отдающих наибольшее число мигрантов Испании, возглавила **Венесуэла**. Неспособность администрации Николаса Мадуро (2013–н. в.) справиться с жесточайшим кризисом, который переживала Венесуэла в течение нескольких лет, привела к тому, что с 2016 г. из этой страны в Испанию начали приезжать в среднем по 26 000 чел. ежегодно. Примечательно, что почти треть всех прибывших уже имели испанское гражданство, так как это были ранее эмигрировавшие в Венесуэлу во время кризиса 2008–9 гг. испанцы. Кроме того, из Венесуэлы в Испанию начали активно переезжать и представители военного командования, вовлечённые на своей родине в наркотрафик¹. Это привело к тому, что к началу 2019 г. общее количество венесуэльцев в Испании составило 95 633 чел., удвоившись по сравнению с данными за 2015 г. (48 421 чел.).

Латиноамериканская община в Испании

Несмотря на это, «особого» образа мигрантов из Венесуэлы, Мексики и Кубы ни в испанских СМИ, ни в испанском обществе создано не было. Это объясняется тем, что традиционно общее число выходцев из этих

¹ Речь идёт о тех военных, которые были причастны к конфискации наркотиков на границе с Колумбией, впоследствии успешно ими же перепроданные.

стран, проживавших в Испании, всё же значительно уступало количеству мигрантов, приезжавших из Колумбии и Эквадора. И к 2019 г. самыми большими общинами латиноамериканских стран в Испании стали общины Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Аргентины (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Самые многочисленные группы иностранного населения, проживающие в Испании,
по данным на 2018 г., по странам
*The most numerous groups of foreign population living in Spain,
statistics 2018, by countries*

Общее количество иностранных граждан	4 562 962
Марокко	673 592
Румыния	667 189
Великобритания	284 987
Италия	221 368
Китай	183 491
Колумбия	159 563
Германия	138 777
Эквадор	139 441
Болгария	125 005
Франция	106 226
Португалия	100 079
Украина	98 992
Венесуэла	91 131
Аргентина	74 294
Россия	73 635

Источник: Instituto Nacional de Estadística // URL: https://www.ine.es/prensa/cp_j2018_p.pdf (Дата посещения: 15.10.2019).

Наряду с вышеописанными процессами, проходившими в первом десятилетии XXI в., всё более заметна становилась уже назревшая к тому времени необходимость ужесточения миграционной политики. Постепенно это привело к тому, что в социальном дискурсе Испании прочно закрепились обсуждения феномена неевропейской миграции в эту страну.

Латиноамериканские «другие» в СМИ Испании

Между тем медийные образы отдельных латиноамериканских стран, выстраиваемые испанскими СМИ, заметно различались. В новостях, касающихся Колумбии, в центре внимания находилась информация, связанная с вооружёнными конфликтами, обороной и несчастными случаями. «Риск колумбианизации» часто присутствовал в заголов-

ках всех крупных газет, неизменно означая хаос, неуправляемость, чрезмерное насилие и наркоторговлю. Фигурирующий в испанских массмедиа термин «аргентинизация» стал синонимом безнадёжности и внушающего опасение процесса, извещающего об ухудшении экономической ситуации, политической коррупции и параличе финансовой системы. Похожие материалы распространялись и в отношении Венесуэлы, в значительной степени будучи связанными с её непримиримой позицией в мировой политике, а также стихийными бедствиями. На фоне этого выгодно выделялись новости относительно Мексики, намеренно освещающие большей частью позитивные и «нейтральные» темы. Это объяснялось тем, что Испания из всех латиноамериканских стран именно с Мексикой традиционно поддерживает особый уровень взаимоотношений [Косевич 2018].

Анализируя все новости, опубликованные в испанской прессе за период 2001–2010 гг. в контексте информации о противоправных действиях и увеличении в стране уровня социальной напряжённости в целом, резко выделяется возросшее число упоминаний о колумбийцах. Такая «привязка» между миграцией и преступностью превратилась в одну из главных рычагов разрастающейся политической конфронтации.

Колумбия – значит угроза

Именно в течение первого десятилетия XXI в. произошла трансформация образа колумбийских иммигрантов, представляемого испанскими СМИ и объединившего в себе все «наработки» более ранних периодов. В частности, в новостях, где фигурировали Латинская Америка и латиноамериканцы, опубликованных в ведущих испанских газетах (*El País*, *El Mundo*, *ABC*, *La Vanguardia*, *Expansión*, *El Confidencial*), уже в конце XX в. начали применяться *дискурсивные стратегии*, порождающие эффект иллюзорной корреляции. Проведя анализ всех новостей по этой теме, можно сделать вывод, что данный регион умышленно связывался преимущественно с негативными событиями, а как следствие – с опасностью [Igartúa 2002: 98]. Это привело к тому, что испанская общественность стала ассоциировать образ Латинской Америки преимущественно с событиями негативного характера.

Постепенно Колумбия стала синонимом *опасности*. И подобный негативный образ колумбийских мигрантов прочно закрепился не только в Испании, но и на международном уровне. Ведь слава основного производителя наркотиков, которая закрепилась за этой страной ещё с конца 1990-х гг., в новом веке продолжила порождать предубеждения по поводу колумбийцев в контексте расхожей фразы «сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя».

Важным фактором в запущенном процессе по активному распространению испанскими СМИ негативного образа Колумбии и колумбийцев выступило и то, что последние неизменно фигурировали в «горячих» новостях, представляющих ежедневный интерес для широкой аудитории.

Это объясняло постоянный информационный спрос на сообщения, где присутствовало упоминание о колумбийцах. В частности, для испанских СМИ наибольший журналистский интерес вызывает именно информация об убийствах, столкновениях между вооружёнными преступниками и бандами. Второе место по востребованности занимают новости, освещающие проблему оборота наркотиков. Среди них особым спросом пользуются новости о полицейских операциях, арестах наркоторговцев, судебных процессах и вынесенных приговорах. Третье место среди самых желанных для СМИ тем занимают сообщения о грабежах, фальсификациях и мошенничестве, совершаемых преступниками-колумбийцами.

Эквадор – значит сочувствие

Эквадор же стал ассоциироваться с *жалостью* и *состраданием*. Вместе с тем это сочувствие было тесно связано с проблемой трудовой эксплуатации, интерес к которой периодически вспыхивает в Испании. Несмотря на то, что большинство эквадорских эмигрантов были выходцами из среднего класса, оказавшегося раздавленным экономическим кризисом, при этом имели достойное образование, многие из них ввиду своего бедственного положения продолжали допускать в отношении себя злоупотребления со стороны работодателей-испанцев.

Как уже отмечалось, именно женщины составили большинство эквадорских иммигрантов в Испанию. Отсюда можно выделить два момента, которые также повлияли на формирование восприятия эквадорцев. Первый заключается в том, что их интеграция в испанский рынок труда оказалась возможна лишь в сфере бытовых услуг без учёта их образовательного уровня. Это неизменно приводило к тому, что сами эквадорцы чувствовали себя униженными и дискредитированными, а также то, что их труд никогда не оценивался по достоинству. Вторым моментом стало то, что наряду с образом эквадорки-прислуги в Испании прочно закрепился ещё и образ эквадорки-проститутки. Национальные СМИ периодически умышленно делали акцент на информацию, освещающую вовлечённость эквадорок в проституцию в Испании, несмотря на то, что подобные случаи в действительности немногочисленны [Medios... 2006: 115].

Эквадорские иммигранты в испанских СМИ чаще всего упоминаются в привязке к следующим темам: изменения миграционного законодательства Испании; происшествия на производстве, жертвами которых, как правило, становятся работающие там мигранты; плачевные условия жизни трудовых мигрантов в Испании, описанные со страдальческим подтекстом.

Примечательно, что на формирование мнения испанского общества в отношении эквадорских иммигрантов, которого оно продолжает придерживаться и до сих пор, оказало широкое освещение в СМИ так называемой «аварии Лорки». Ещё в 2001 г. около города Лорка (провин-

ция Мурсия) ехавший на полной скорости поезд столкнулся с маленьким фургоном, в котором находились 12 эквадорских мигрантов, перевозимых испанскими «хозяевами» для работы в сельском хозяйстве. В сообщениях СМИ, посвящённых этой трагедии, погибшие жители Эквадора выступили жертвами несправедливой судьбы, а испанское общество в лице их работодателей, транспортировавших людей в таких нечеловеческих условиях, смотрелось как бесчувственный эксплуататор.

Даже на примере материалов, освещавших эту трагедию, отчётливо выделялись все «границы» вышеупомянутого *идеологического квадрата*: усиливалось положительное представление об испанском «мы», разделяющих сострадание по погибшим и осуждающих неприемлемые условия труда мигрантов; наращивалась негативная информация о «них», т. к. мигранты из Эквадора сами решились на нелегальный переезд в Испанию, в итоге оказавшись в таком маргинальном положении; сокращалась положительная информация о «них», поскольку эквадорцы подверглись трудовой эксплуатации с их собственного согласия; а также смягчалась негативная информация о «нас», определив работодателя как единственного ответственного и требуя вмешательства инспекции по труду.

Дискурс страха и дискурс сострадания

Таким образом, через коллективное восприятие колумбийских и эквадорских иммигрантов испанским обществом в контексте медийного дискурса можно выделить два основных образа, характеризующих общее представление о латиноамериканцах, сложившееся в современной Испании.

Колумбийцы непосредственно связываются с так называемым *дискурсом страха*, основанном на намеренном акцентировании их причастности к преступной деятельности. В рамках таких рассуждений подчёркивается, что пребывание колумбийцев в Испании непременно приводит к разрушению привычных условий сосуществования в принимающем обществе.

Сами колумбийцы, проживающие в Испании, признают, что в общении с испанцами они сталкиваются с уже укрепившимися негативными представлениями о них, которые крайне сложно побороть. Также они подчёркивают, что именно их национальное происхождение, то есть тот факт, что они являются выходцами из Колумбии, имеет приоритетное значение в восприятии их испанцами. В то время как их статус мигранта и репутация хороших работников остаются далеко на заднем плане. И ещё гораздо реже их воспринимают как просто иностранцев или латиноамериканцев.

Как и любое другое принимающее общество, испанское общество чётко подразделяет все национальности трудовых мигрантов на «хороших» работников и «так себе». С точки зрения трудовой деятельности в Испании именно работников-колумбийцев ценят гораздо выше уроженцев других стран Латинской Америки, признавая за ними лучшую

квалификацию и в среднем более высокий уровень образования. Однако при всём этом в контексте вышеупомянутого *дискурса страха* испанские наниматели доверяют им гораздо меньше других работников. Что касается молодёжи, то в отношении неё возникает эффект *разрушения идентичности*, проявляющийся в том, что клеймо их неизбежной причастности к насилию и наркобизнесу, широко распространяемому СМИ, становится для молодых колумбийцев практически непреодолимым.

Сами колумбийцы обвиняют непосредственно СМИ в создании подобных негативных стереотипов, поскольку именно из-за них такого рода образы прочно закрепились в общественном мнении Испании: «если колумбиец, значит плохой, убийца или наркоторговец». В своей повседневной жизни в Испании колумбийцы ежедневно ощущают на себе отголоски подобного образа «плохих», что проявляется, в частности, в ограничении возможностей для общения и реализации себя в этой стране.

В противовес этому, как уже было сказано, выходцы из Эквадора связываются с *дискурсом сострадания*. За ними прочно закрепился образ «несчастных», включающий в себя ряд негативных характеристик реалий их жизни в Европе, трудовая эксплуатация, которой они подвергаются, а также их безработность и смирение с подобным положением.

Вместе с тем любопытные выводы делает специалист по СМИ и миграции перуанского происхождения Дж. Ретис. Она характеризует испанское общество как традиционалистское и националистическое, отмечая, что испанцы боятся, что иммигранты принесут им бедность подобно той, в которой они сами вынуждены были жить после Гражданской войны (1936–39 гг.) [Retis 2011: 11]. В этом контексте стоит отметить наличие особого *двойного отношения* испанских иммигрантов, бежавших в послевоенный период из своей страны в поисках политического убежища, и неевропейских мигрантов, недавно переехавших в Испанию. И в таких *двойных отношениях* испанцы стараются апеллировать к забвению, намеренно игнорируя всё то, что испытали они сами, когда вынуждены были иммигрировать. И этот *страх* испанского общества в первую очередь связан с возникновением конкуренции на рынке труда, а не с отсутствием безопасности граждан, как это происходит в других странах, например, в Соединённых Штатах. То есть в отношении мигрантов испанское общество испытывает прежде всего боязнь новой волны бедняков, которые могут и будут бороться за социальные выгоды в ущерб национальному населению. И в подобном *социальном отторжении* испанцами всех *других* немаловажную роль играют СМИ, которые озвучивают всё то, что думает большая часть испанского общества.

Заключение

В современном мире СМИ уже играют роль главного субъекта формирования общественно-политической и духовной реальности. Человек оценивает и истолковывает реальность сквозь комбинацию сконструи-

рованных образов, являющихся лишь интерпретациями явлений, умело «подобранных» главными толкователями событий – средствами массовой информации. Политика идёт рука об руку с медиа, найдя для себя «гарантированное подспорье» в одном из ключевых законов коммуникативного процесса: любые эпизоды после упоминания в прессе начинают «жить» в сознании общества, с каждым днём всё более укрепляясь и в итоге трансформируясь в укоренившиеся стереотипы.

Деятельность современных медиа, превратившихся в оружие властных структур, всё чаще способствует ещё большему разжиганию социально-политических конфликтов, а не поиску компромиссов и совместных решений. Среди прочего это проявляется в непрекращающемся «подсвечивании» горячих сюжетов для удержания аудитории. А с учётом того, что СМИ вынуждены поддерживать ежедневный интерес к преподносимой ими информации, миграционный вопрос является для них нескончаемым источником желанных сюжетов, открывающих простор для манипуляций общественным мнением.

Анализ массмедийного дискурса о неевропейской миграции в Испании позволил нам выявить основные тенденции, доминирующие в публичном пространстве этой страны в отношении миграционной проблемы: это устойчиво первенствующий *дискурс страха* и стабильно остающийся на втором плане *дискурс сострадания*.

Вместе с тем из подобных медийных дискурсов сами иммигранты собирают составные элементы своей коллективной идентичности, постепенно выстраивая собственные стратегии межкультурных отношений. Трактовку отношений между принимающим испанским обществом и мигрантами-латиноамериканцами в СМИ можно назвать «зеркалом наоборот», так как отражающиеся в нём искажённые образы не позволяют разглядеть реальность. Такое намеренное акцентирование именно «различий», напрямую связанных с социальными конфликтами, будет и дальше порождать в принимающем обществе отрицание и недоверчивость к новоприбывшим *другим*.

Библиографический список:

Корниенко Е. Р. 2010. Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 128–133.

Косевич Е. Ю. 2018. Современные мексикано-испанские отношения: новый фазис развития // Politbook. № 1. С. 168–182.

Косевич Е. Ю. 2019. Восприятие Мексики в США: роль СМИ // США и Канада: экономика, политика, культура. № 4 С. 46–61. DOI: 10.31857/S032120680004357-6

Aparicio R., Giménez C. 2003. Migración colombiana en España. Bruselas: International Organization for Migrations. 267 p.

Aznar H. 2005. Ética de la comunicación y nuevos retos sociales. Códigos y recomendaciones para los medios. Barcelona: Paidós. 319 p.

Bonete Perales E. 1999. *Ética de la comunicación audiovisual*. Madrid: Tecnos. 279 p.

Giménez C., Malgesini G. 2000. *Guía de conceptos sobre migraciones, racismo e interculturalidad*. Madrid: Catarata. 278 p.

Igartúa J. J. y otros. 2002. *Análisis of Newsworthy Frames in the Reports on Latin America by the Spanish Press*. Paper for 23 Conference and General Assembly of the International Association for Media and Communication Research, Barcelona. P 229.

Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI – 2007). Documentos de trabajo. Madrid, abril de 2008. P. 153.

Lario Bastida M. y otros. 2006. *Medios de comunicación e inmigración*. Encuentro CAM. Obra Social. CAM: Santo Ángel – Murcia. 323 p.

Medios de comunicación e inmigración. 2006. Coord. Lario Bastida M., Programa CAM Encuentro. CAM – Obra Social. 323 p.

Pérez Fuentes J. C. 2005. *Ética periodística. Principios, códigos deontológicos y normas complementarias*. Servicio Editorial. Universidad del País Vasco. 293 p.

Retis J. 2011. *Estudio exploratorio sobre el consumo cultural de los inmigrantes latinoamericanos en España: el contexto transnacional de las prácticas culturales*. Documento de Trabajo 09. P.116.

Población mexicana en el mundo. Estadística de la Población Mexicana en el Mundo 2018. Instituto de los Mexicanos en el Exterior, Secretaría de Relaciones Exteriores, México D.F., Julio 2018. P. 87.

Van Dijk T. 1996. *Opiniones e ideologías en la prensa* // Madrid: Voces y culturas. Núm. 10–11. P. 224.

Статья поступила: 09.07.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Spanish Mass-Media on Latin American Migrants: Between Fear and Pity

Ekaterina Yu. Kosevich

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

E-mail: ekaterina.kosevich@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8056-8426

For citation: Kosevich, E. Yu. Spanish mass-media on Latin American migrants: between fear and pity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Abstract. Mass-media discourse is a “mirror” of sorts, which reflects general opinions and allows for understanding society’s mindset concerning migration issues. This article is devoted to analyzing the images created by Spanish mass-media regarding Latin American immigrants residing in Spain. Such a vision ultimately led to the emergence of an enduring perception of said immigrants by Spanish society from two main points of view – fear and pity. Columbians and Ecuadorians served as the prototypes for all Latin Americans who illegally entered Spain. The author reveals the reasons for the “divide” in Spanish mass-media’s perception of Columbia and Columbians, who became synonymous with danger, as well as Ecuador and Ecuadorian immigrants, who are primarily associated with

compassion and pity. This article examines the main stages of Latin American migration to Spain at the end of the 20th century and at the beginning of the 21st century, which were primarily comprised in succession by immigrants from Columbia, Argentina, Venezuela and Cuba. The author characterizes the most numerous of Spain's Latin American Diasporas. It is revealed that immigration is a collectively constructed social phenomenon. In turn the host society attributes certain characteristics to visitors ("others") which they in fact do not possess. Such artificially assigned qualities are the result of a so-called "symbolic structure", attributed to each "imaginary migrant". Latin American migration to Spain is a result of a multitude of factors lying on various levels. However, it is very uncommon for the news to carefully examine the regional and global aspects of this process. This article reveals the specific image of Latin American migrants which developed in Spain towards the beginning of the 21st century. The author attempts to define the hidden ideology supporting the vast majority of those negative Latin American migrant stereotypes broadcast by national mass-media.

Keywords: Latin American migration, Spain, Colombia, Ecuador, Argentina, Cuba, Mexico, Venezuela, media, public opinion, press.

References

Aparicio R., Giménez C. Migración colombiana en España. Bruselas: International Organization for Migrations, 2003: 267 (In Spanish).

Aznar H. Ética de la comunicación y nuevos retos sociales. Códigos y recomendaciones para los medios. Barcelona: Paidós, 2005: 319 (In Spanish).

Bonete Perales E. Ética de la comunicación audiovisual. Madrid: Tecnos, 1999: 279 (In Spanish).

Giménez C., Malgesini G. Guía de conceptos sobre migraciones, racismo e interculturalidad. Madrid: Catarata, 2000: 253–254 (In Spanish).

Igartúa J. J. y otros. Análisis of Newsworthy Frames in the Re-ports on Latin America by the Spanish Press. Paper for 23 Conference and General Assembly of the International Association for Media and Communication Research, Barcelona, 2002: 229 (In Spanish).

Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI – 2007). Documentos de trabajo. Madrid, abril de 2008: 153 (In Spanish).

Kornienko E.R. Text through the prism of the philosophy of M. M. Bakhtin. Knowledge. Understanding. Skill, 2010; 1: 128–133 (In Russ.).

Kosevich E. Y. Modern Mexican-Spanish relations: a new phase of development. Politbook, 2018; 1: 168–182 (In Russ.).

Kosevich E.Y. The perception of Mexico in the United States: the role of the media. SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economy, Politics, Culture, 2019; 4: 46–61. DOI: 10.31857/S032120680004357-6 (In Russ.).

Lario Bastida M. y otros. Medios de comunicación e inmigración. Encuentro CAM. Obra Social. CAM: Santo Ángel – Murcia, 2006: 323 (In Spanish).

Medios de comunicación e inmigración. Coord. Lario Bastida M., Programa CAM Encuentro. CAM – Obra Social, 2006. 323 (In Spanish).

Pérez Fuentes J.C. Ética periodística. Principios, códigos deontológicos y normas complementarias. Servicio Editorial. Universidad del País Vasco, 2005: 293 (In Spanish).

Población mexicana en el mundo. Estadística de la Población Mexicana en el Mundo. Instituto de los Mexicanos en el Exterior, Secretaría de Relaciones Exteriores, México D.F., 2018: 87 (In Spanish).

Retis J. Estudio exploratorio sobre el consumo cultural de los inmigrantes latinoamericanos en España: el contexto transnacional de las prácticas culturales. Documento de Trabajo 09. 2011: 116 (In Spanish).

Van Dijk T. Opiniones e ideologías en la prensa. Madrid: Voces y culturas, Núm. 10–11. 1996: 224 (In Spanish).

The article was submitted on: July 09.2019